

И. А. Матвеевко

ВОСПРИЯТИЕ АНГЛИЙСКОГО СОЦИАЛЬНО-КРИМИНАЛЬНОГО РОМАНА В РОССИИ XIX ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В представленной статье предпринята попытка выстроить типологию английского социально-криминального романа, выявить причины его возникновения в Великобритании, а также условия восприятия данного жанра в России XIX в. Восстановление картины рецепции жанра социально-криминального романа в русской литературе поможет уточнить особенности данной жанровой модификации, складывавшиеся в процессе его эволюции в английской литературе, а также его связи с другими жанровыми разновидностями романа как в английской, так и в русской литературе.

Ключевые слова: *английский социально-криминальный роман, типология, восприятие, субжанр, жанровая модификация.*

Интерес, проявляемый в российском литературоведении к категории жанра и его типологии, показывает недостаточную изученность данного вопроса, несмотря на распространенные концепции, разработанные в этой области Б. В. Томашевским, М. М. Бахтиным, Г. Д. Гачевым, В. В. Кожинным, Г. Н. Поспеловым, Н. Д. Тмарченко и др. Исследователи спорят о природе жанровых явлений, границах различных жанров и их значении. В частности, Л. В. Чернец так определяет необходимость и актуальность изучения категории жанра: «Комплексный подход к жанрам предполагает и тщательные историко-литературные «реставрации» жанровых систем того или иного периода, и работы типологического характера, выявляющие общие закономерности и преемственность в жанровом развитии литературы» (курсив автора. – И. М.). Кроме того, Л. В. Чернец говорит об особой роли жанра как знака литературной традиции. По ее мнению, «если исследователь жанровой системы определенного периода национальной литературы устанавливает прежде всего тот объем и значение, которые имели жанры в свете ближайших традиций, то анализ преемственности жанрового развития нацелен на выявление наиболее устойчивых черт жанра, на обнаружение связей между различными жанровыми системами, связей, часто скрытых от непосредственных участников литературного процесса» (курсив автора. – И. М.) [1, с. 15].

Исследование интересующей нас рецепции жанра социально-криминального романа в русской литературе XIX в. до сих пор не привлекало внимание литературоведов, хотя о влиянии данного жанра на произведения русских писателей упоминали в своих работах такие исследователи, как Г. М. Фридендер, Б. Г. Реизов и др. Его изучение представляется значимым именно с точки зрения реконструкции жанровых систем английской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. и русской литературы XIX в., их типологии, а также выявления общих черт и различий, позволяющих

установить определенную преемственность жанрового развития в двух национальных литературах. В своей работе мы попытаемся выявить жанровые особенности английского социально-криминального романа, причины его возникновения в Великобритании и в связи с этим интереса, проявившегося к данному жанру в России в XIX в.

Английский социально-криминальный роман – это целостная, четко выстроенная жанровая модель, возникшая в период перехода от романтической философии, эстетики и поэтики к реалистической и развивавшейся на протяжении почти всего XIX в. в Англии. В целом криминальная история, будь она написана на английском или русском языках, как определяет ее А. Е. Мёрч, это история, «типичный предмет которой... воровство, произведенное с остроумной ловкостью, о проделках хитрого мошенника рассказывается, чтобы развлечь читателя или возбудить симпатию к развлекающему жулику или из-за восхищения его ловкостью или вследствие какой-либо несправедливости, приведшей его к нечестной жизни» [2, с. 11].

Истории о преступлении и преступниках стары, как человеческая цивилизация, и включают в себя обширный литературный ресурс. В английской литературе – это баллады о Робин Гуде, позже истории о Дике Тёрпине и Джеке Шеппарде и др., рассказанные для развлечения читателей и сообщения новостей о дерзких преступлениях. В Средние века пикарескный роман стал очень популярен благодаря своей специфической форме повествования: жизнеописание известного пройдохи, представленное в развлекательной манере. В Великобритании XVIII в. развитие криминальной литературы было тесно связано с изданием так называемого «Ньюгейтского календаря», представлявшего собой, по словам Х. Ворсингтон, «материал... с которого криминальное чтиво брало свое начало, так как листовки и периодические истории варьировали и развивали схемы, взятые из «Отчетов из Ньюгейта» и из «Ньюгейтского календаря». В восем-

надцатом и еще долго в девятнадцатом веке рассказы о преступлениях, предлагающие детали о преступниках, преступлениях, признаниях и последующих наказаниях обычно появлялись на листовках: дешевых, односторонних листках, напечатанных только на одной стороне и доступных широкой и социально разнообразной аудитории» [3, с. 1–2].

Истории из «Ньюгейтского календаря» популяризировались одновременно с готическим романом в конце XVIII в. Этим фактом объясняется близость социально-криминального романа к готическому: особая таинственность, напряженность повествования, определенная романтизация преступника, хотя эти черты были присущи сочинениям социально-криминального жанра на всех этапах его развития. Особенно отчетливо они прослеживаются в романе родоначальника социально-криминального жанра У. Годвина «Калеб Вильямс», который имел свою рецептивную историю в русской литературе, что требует специального исследования. Здесь же только отметим, что уже в этом романе очевиден интерес автора к социальным, философским мотивировкам преступления, к образу судьи, следователя и преступника.

Данные особенности развились и сохранились в ньюгейтском романе, который представляет собой следующую стадию эволюции английского социально-криминального романа (романы Э. Булвера-Литтона, Х. Эйнсуорда, Ч. Диккенса).

В России ньюгейтский роман был особенно популярен в начале 1860-х гг., когда впервые и был переведен роман Э. Булвера-Литтона «Юджин Эрам». Перевод романа совпал с периодом работы Ф. М. Достоевского над романом «Преступление и наказание», в котором очевидны параллели с «Юджином Эрамом». По утверждению Г. Е. Тамарченко, «в 60-е годы XIX века трудно найти писателя, который не пытался бы в своих произведениях осмыслить вновь возникающие черты и закономерности жизни. В области романа это потребовало создания новых жанровых, сюжетных, композиционных форм... Усложнилась жизнь, возникли новые противоречия и конфликты, новые нравственные коллизии в общественных и личных отношениях» [4, с. 105]. Рецептивная история английского социально-криминального романа в русской литературе второй половины XIX в. может быть представлена такими именами, как Ч. Диккенс, У. М. Теккерей, Э. Булвер-Литтон, Дж. Элиот, У. Коллинз и Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, В. В. Крестовский и др.

Однако именно ньюгейтские романы подвергались особой критике со стороны английских литераторов и остались до конца непонятыми и неприкрытыми ими. Так, Теккерей активно участвовал в борьбе против ньюгейтского романа, неоднократно публиковал критические отзывы и выражал свое

отношение к нему через литературные пародии. Тем не менее, несмотря на острое противостояние по принципиальным эстетическим позициям, английский социально-криминальный роман выкристаллизовался в дальнейшем в новую свою модификацию, представленную произведениями У. Коллинза, Дж. Элиот, Ч. Рида и др. и также воспринятую в русской культуре второй половины XIX в.

Интересно, что в русской литературе, столь активно воспринимавшей английский социально-криминальный роман, темы преступления и наказания, образ преступника имеют свой национальный генезис и типологию, берущую начало от фольклорных образов разбойников и атаманов. Этот образ интенсивно эволюционировал в эпоху романтизма, под бесспорным влиянием драмы «Разбойники» Шиллера и поэзии Дж. Байрона, когда герой-преступник представлялся как фигура совестливая и милосердная, противостоящая обществу, как правило, героизированная и идеализированная (см., например, историческую повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Роман и Ольга», повести О. Сомова «Гайдамак. Малороссийская быль» и «Гайдамак. Главы из малороссийской повести», повесть А. С. Пушкина «Дубровский» и др.).

В дальнейшем, на этапе господства «натуральной» школы, этот образ продолжал формироваться, эволюционируя из образа «лишнего человека» в образ «маленького человека». Уже в первых произведениях о «маленьком человеке» («Медный всадник» А. С. Пушкина, «Шинель» Н. В. Гоголя) используется противопоставление героя окружающему миру, которое станет непременным атрибутом социально-криминального романа. Местом действия в них является топоним большого города, подавляющий героя своим величием и безучастностью ко всему происходящему, что позже также будет отличать рассматриваемую нами жанровую модификацию романа.

Однако начиная с 1830-х гг. на становление субжанра (как называют жанровые модификации в англоязычном литературоведении) русского социально-криминального романа начинает оказывать значительное влияние его английская модификация. Проведенный нами анализ переводов, критических откликов и типологических сходжений позволяет выделить три пика возросшего интереса к данному жанру на русской почве, а именно: 1830-е гг. – когда в России начинается становление самого романного жанра, в связи с чем на переводные произведения смотрели как на образец для подражания. В этот период внимание русских переводчиков привлекали сюжетостроение, характерология социально-криминального романа: в 1830-е гг. роман Булвера-Литтона «Юджин Эрам» еще не был переведен, но, тем не менее, активно обсуждался на

страницах русской периодической печати [5, с. 20–24], в эти же годы переводится социально-криминальный роман У. Годвина «Калеб Вильямс» и получает разнообразные отзывы у русской критики.

Следующим этапом в освоении данной жанровой модификации на русской почве стали 60-е гг. XIX в. О закономерности интереса к английскому социально-криминальному роману на данном этапе будет говориться чуть ниже. Здесь же необходимо указать, что именно в этот период совпали жанровые потребности двух литератур разных периодов: английской литературы 1830-х гг. и русской литературы 1860-х гг., основанные на совпадении экономических и идеологических условий. Необходимость всякого рода реформ, политический и экономический кризис, взлет преступности и обнищания населения – все это послужило причиной повышенного внимания именно к тематике и проблематике социально-криминального романа, к его философскому (прежде всего онтологическому, антропологическому и этическому) потенциалу, а также к его выходам в область религиозных исканий отдельного человека и общества в целом. Особый рецептивный «сюжет» складывается в русской литературе вокруг проблемы смертной казни, широко обсуждавшейся в Англии в 1860-е гг. и нашедшей свое отражение в ряде социально-криминальных романов и параллельно в публицистике.

Новый виток интереса к рассматриваемому субжанру наблюдается в России в конце XIX – начале XX в. и объясняется прежде всего распространением и популяризацией демократических и социалистических идей, интересом к низшим слоям населения, а также демократизацией литературы и книгоиздательства в России. В данный период становятся традиционными переделки и пересказы зарубежных произведений для детей и юношества, выпускаются серии популярной, развлекательной литературы, целью которой становится показать существующие социальные противоречия в доступной для читателя форме. В эти годы часто переводится и переиздается «Оливер Твист» Ч. Диккенса, переводятся и обсуждаются его журналистские статьи «О смертной казни», «Лондонские воры и лондонская полиция» и др., повторно переводится и публикуется роман Булвера-Литтона «Юджин Эрам».

Говоря об элементах английского социально-криминального романа, следует выделить три основные составляющие в его повествовательной структуре, сложившиеся в ходе эволюции данной жанровой разновидности: *непосредственное описание преступления*, которое, как правило, занимает центральное место криминального романа (на его основе строится образ преступника, устанавливаются мотивы совершения преступления), изображение *расследования преступления* (и связан-

ный с ним образ детектива, который пытается проникнуть в логику и психологию преступления, понять его причины, становясь иногда своего рода двойником преступника) и рассмотрение *темы наказания* (проблемы суда, как внешнего, так и внутреннего, социальной справедливости и раскаяния), которые в ходе развития социально-криминального романа постепенно переходили из разряда второстепенных структурных элементов в важнейшие и даже основные.

Интересна в связи с этим типология вариаций ньюгейтского романа как первоисточника жанра социально-криминального романа, предложенная К. Холлингсворт на основании различных трактовок главного героя: «Преступник может стать объектом расследования, при этом весь интерес сконцентрирован на преследовании; или он может быть показан как симптом социальной несправедливости; или он может рассматриваться с точки зрения этики и психологии как исследование мотивации преступления. Все типы трактовки можно найти в ньюгейтских романах, которые представляют собой примеры того, к чему более поздняя литература возвращалась снова и снова» [6, с. 14].

Эти элементы (или вариации трактовки – по К. Холлингсворт) не всегда были четко оформлены в структуре ньюгейтского романа, находившегося на переходной стадии развития социально-криминального романа, да и всего английского романа в целом. Однако позже именно его (ньюгейтского романа) развитие привело к формированию различных жанровых модификаций социально-криминального романа, функционировавших как отдельные, вполне самостоятельные модели, а именно: криминальный роман, детективный роман и пенициарный роман.

Структурные элементы романа, перечисленные выше, воспринимались прежде всего в зависимости от реципиента и потребностей русского литературного процесса. Не случайно западный исследователь социально-криминального романа Дж. Скаггс пишет о его «жанровой (или под-жанровой) гибкости и пористости» [7, с. 2], имея в виду его способность вбирать в себя признаки пограничных жанров и легко переходить в другие жанровые модификации. Более того, как показывает материал, на английский социально-криминальный роман в разное время отзывались представители разных пластов русской литературы – от классической до массовой, от столичной до региональной, в частности сибирской (произведения В. В. Крестовского, Н. Е. Гейнце, В. В. Курицына).

Будучи интернациональным по своей природе, социально-криминальный роман, несомненно, имеет определенные различия в зависимости от своего национального происхождения, отражения

в нем современных социально-экономических условий и авторской индивидуальности. На данную жанровую модификацию значительное воздействие оказали и различия в юридических системах, существовавших в разных странах, а также ее отражение в культурном национальном сознании. Чтобы понять национальные особенности рассматриваемой жанровой формы и объяснить специфический характер восприятия английского социально-криминального романа в России, необходимо сравнить и проанализировать развитие и взаимоотношения между исследуемой жанровой формой и пенициарной системой в каждой стране.

Значительное влияние на эволюцию социально-криминальной литературы в Англии оказала реформа юридической системы и судебного процесса, происходившая от XVIII к XIX в. Реформа состояла в замене исполнения вынесенного приговора с всеобщего обозрения публики на закрытую, приватную экзекуцию, а также в обязательном участии адвоката в судебном процессе. Именно его публичность и индивидуализация в судебном повествовании привели, по словам Дж. Гроссмана, к «“адвокаторизации” криминального суда и “романизации” судебной процедуры» [8, с. 20]. Решающее значение в этом случае имел тот факт, что «адвокаты внесли элемент состязания в судебную повествовательную структуру, что позже сделало ее романной, путем превращения заседания, до этого управляемого одним судьей, в собрание, организованное вокруг множества официальных голосов, которые М. М. Бахтин видел как характерные черты романа как жанра» [там же].

Действительно, рассмотрение одного и того же дела с различных точек зрения (адвоката, прокурора, свидетеля), каждой со своей собственной целью, формировало явление, близкое к тому, что некоторое время спустя нашло отражение в литературе и позднее было названо М. М. Бахтиным «полифонией». Дж. Гроссман отмечает также, что многие писатели заимствовали свои сюжеты из судебной практики: «Преступления продолжали обеспечивать необходимое скромное количество материала, сюжеты для повествования, но теперь появилось также множество деталей и наводнение характеристиками из самих судебных процессов» [там же].

Подобные процессы можно было наблюдать в России почти 30 лет спустя, после судебной реформы 1864 г., инициированной Александром II. В результате этой реформы русский судебный процесс был трансформирован из секретной, в основном письменной процедуры, основанной на «инквизиционных» принципах, в открытый, публичный, устный процесс. Структура суда была значительно упрощена, был установлен институт адвокатской защиты и введен суд присяжных для уголовных преступлений.

Хотя русская юридическая реформа была ориентирована на английскую, французскую и немецкую правовые системы, ее конечный результат имел несомненный специфический характер [9, с. 56].

Юридические преобразования отразились в литературном процессе 1860-х гг. Как подчеркивает Х. Мурав, «новая публичная судебная процедура, мировой судья и новый профессиональный суд вызвали в прессе взрыв интереса. Появилось несколько новых изданий, всецело посвященных судебному делу: например, в Москве и Петербурге имелись свои «Юридические газеты». «Судебная газета» – другое Петербургское издание, выпускаемое ежедневно» [там же, с. 57]. Симптоматично, что в этих специализированных изданиях можно было встретить и рецензии на литературные произведения (Лохвицкий А. Уголовные романы. «Преступление и наказание». Сочинение Достоевского // Судебный вестник. 1869. № 83).

Многочисленные литературные журналы также часто включали в свой состав статьи, содержащие описание расследования криминального дела, сравнение юридической и полицейской систем различных стран, включая Англию (такие как «Отечественные записки», «Современник», «Биржевые ведомости» и др. См., например: Три убийства и один обвинительный приговор // Отечественные записки. Март–апрель. 1867. Т. 171. № 3–4. С. 164–180, 297–324. Повальный обыск и очная ставка // Отечественные записки. 1860. № 4. С. 427–440. О современном состоянии и задачах науки уголовного права // Отечественные записки. 1860. № 10. С. 467–482 и др.). Такая открытость суда обществу привела к формированию определенного дискурса, новой юридической культуры, которые проникали в другие сферы русской жизни – политическую, экономическую, религиозную и, конечно, литературную. Русские писатели активно интересовались уголовными делами, обсуждаемыми на страницах периодической печати, и часто заимствовали сюжеты из судебных сообщений для своих произведений. Не случайно, что именно во второй половине XIX в. появились романы, содержащие в своем сюжете сцены либо расследования уголовного дела («Преступление и наказание»), либо сцену суда («Братья Карамазовы», «Воскресенье»), причем одним из источников в работе писателей над этими произведениями, что общеизвестно, была русская периодическая печать.

Таким образом, русская судебная реформа имела последствия, сходные с процессами (юридическими и литературными) в Англии первой половины XIX в. Х. Мурав видел «в восприятии юри ориентацию на многообразие и открытость, торжество над свержением иерархии судьбы и появление новой формы юридической многоголосицы в пу-

бличном пространстве. Я буду утверждать, что изменения, привнесенные реформой – из секретного в публичное слушание дела, из административной процедуры с судьей в центре в суд присяжных – могут лучше всего быть охарактеризованы термином *карнавализация*» [там же, с. 59–60]. Можно утверждать, что карнавал проник и в структуру русского социально-криминального романа в виде всевозможных разоблачений, публичных сцен и снимания масок, что достаточно четко видно на примере ряда романов Ф. М. Достоевского.

Следуя теории М. М. Бахтина, Х. Мурав доказывает тот факт, что русская судебная реформа привела к формированию особого «хронотопа» карнавала, а именно пространство суда, которое напоминало ему «перевоплощение публичной площади, в которой границы, отделяющие частное и личное, стерты. Защита и обвинение для того, чтобы сорвать все маски и дискредитировать свидетелей друг друга, могут, как шут Бахтина “выдать аудитории все подробности личной жизни, вплоть до самых частных и сладострастных маленьких секретов”» [там же, с. 61].

Все эти изменения создавали определенную атмосферу, в которой русские писатели могли увидеть сложные характеры, психологические мотивы для обоснования поступков своих персонажей. В таком контексте формировался живой интерес русских читателей и литераторов к зарубежному криминальному роману, особенно английскому и французскому. Именно в этот период переводится роман Э. Булвера-Литтона «Юджин Эрам» (1861), становится популярным творчество Ч. Диккенса и У. Теккерея в России.

Итак, наше исследование направлено на решение рецептивных проблем трех уровней: во-первых, определение принципов и характера рецепции жанра английского социально-криминального романа русской литературой XIX в. в период, когда тема отверженных, униженных и оскорбленных стала актуальной для русской культуры; во-вто-

рых, исследование особенностей русских переводов социально-криминальных романов и выявление переводческих стратегий, применяемых к ним; в-третьих, выявление их воздействия на эстетику и поэтику русского романа XIX в., исследование интерпретации и рецептивного эффекта жанра криминального романа в творчестве русских писателей.

Последний аспект предполагается раскрыть в трех ракурсах: интертекстуальные взаимосвязи русских классических писателей (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», роман Л. Н. Толстого «Воскресение» в точках их схождения с английским социально-криминальным романом); исследование адаптации данной жанровой модификации в произведениях авторов массовой литературы («Петербургские трущобы» В. В. Крестовского и судебно-криминальные романы Н. Е. Гейнце); влияние английского социально-криминального романа на творчество региональных писателей (в частности, роман томского писателя В. В. Курицына «Томские трущобы»).

Таким образом, в России XIX в. происходили экономические, политические, культурно-исторические процессы, создававшие условия для восприятия и адаптации, переработки и развития эстетики и поэтики английского социально-криминального романа на различных уровнях или, по определению Д. В. Лобачевой, условия культурного трансфера, проблематика которого направлена «не на рецепцию культурных элементов *исходной культуры в целевой культуре*.., а на их встраивание в новую культурную систему с учетом возможной трансформации в процессе реализации трансфера» [10, с. 24]. Восстановление наиболее полной картины восприятия этого жанра в русской литературе помогает уточнить особенности данной жанровой модификации, складывавшиеся в процессе ее эволюции в английской литературе, а также связи с другими жанровыми разновидностями романа как в английской, так и в русской литературе.

Список литературы

1. Чернец Л. В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 192 с.
2. Murch A. E. The Development of the Detective Novel. London: Peter Owen Limited, 1958. 272 p.
3. Worthington H. The Rise of the Detective in the Early Nineteenth-Century Popular Fiction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 203 p.
4. Тамарченко Г. Е. Чернышевский – романист. Л.: Худ. лит-ра, 1976. 459 с.
5. Матвеев И. Русская критика о своеобразии ньюгейтских романов Э. Булвера-Литтона (1830–1880-е гг.) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2008. Вып. 12. С. 20–24.
6. Hollingsworth K. The Newgate Novel 1830–1847: Bulwer, Ainsworth, Dickens, and Thackeray. Detroit: Wayne State University Press, 1963. 280 p.
7. Scaggs J. Crime fiction. London and New-York: Routledge, 2007. 170 p.
8. Grossman J. The Art of Alibi: English law courts and novel. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2002. 202 p.
9. Murav H. Russia's Legal Fictions. Michigan: Michigan University Press, 1998. 263 p.
10. Лобачева Д. В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 8(98). С. 23–27.

Матвеевко И. А., доцент, кандидат филологических наук.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: mia2046@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 03.03.2011.

I. A. Matveenko

RECEPTION OF THE ENGLISH SOCIAL-CRIMINAL NOVEL IN RUSSIA OF THE 19TH CENTURY: PROBLEM STATEMENT

The article deals with typology of the English social-criminal novel, the reasons of its appearance in England and the interest shown in the given genre in Russia of the 19th century. The reconstruction picture of Newgate novel reception in the Russian literature will help to specify features of the given genre modification in the process of its functioning in English literature and its connection with other novel genres both in English and in Russian literature.

Key words: *English social-criminal novel, typology, reception, subgenre, genre modification.*

Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: mia2046@yandex.ru